
ЛИЧНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ И. И. МЕЧНИКОВЪ.

Моя первая встрѣча съ Ильей Ильичемъ относится къ 1896 г., когда, вскорѣ по окончаніи гимназіи, я пыталась поступить на медицинскій факультетъ въ Парижѣ. Это былъ періодъ, когда во Франціи громко раздавался кличъ „La France aux Français“, и иностранцы, оканчивающіе курсы французскихъ университетовъ, лишались права полученія государственныхъ дипломовъ, а новые принимались лишь крайне неохотно. Парижскія высшія школы, гдѣ наплывъ иностранцевъ, главнымъ образомъ, русскихъ, былъ особенно великъ, — совершенно закрыли для нихъ свои двери.

Я пришла къ Ильѣ Ильичу съ письмомъ отъ одного изъ его русскихъ друзей, который просилъ оказать мнѣ содѣйствіе для поступленія въ парижскій университетъ.

Робѣя и смущаясь, я передала Ильѣ Ильичу письмо и изложила суть моей просьбы. Очевидно замѣтивъ мое смущеніе, онъ сразу заговорилъ въ добродушномъ и ласковомъ тонѣ, пошутилъ по поводу моей крайней молодости, не вяжущейся съ солиднымъ званіемъ студентки, и сейчасъ же принялся за письмо декану медицинскаго факультета. Но, написавъ обращеніе, онъ добродушно сознался, что никакъ не могъ до сихъ поръ осилить всѣхъ тонкостей французскаго эпистолярнаго языка, и что лучше позвать на подмогу кого-либо изъ французовъ, работавшихъ въ сосѣднихъ комнатахъ.

Немедленно явился молодой французъ, замѣтно обрадовавшійся зову учителя и всей своей фигурой изображавшій безграничную почтительность.

Илья Ильичъ передалъ ему, въ чемъ дѣло, и поручилъ написать все это по-французски „какъ-нибудь повѣжливѣе“. Милая простота его обращенія понемногу побѣдила мою робость, и я не могла не улыбаться, слушая, какъ Илья Ильичъ съ жаромъ отстаивалъ нѣкоторыя изъ выраженій своей редакціи.

— Но, Maître, — почтительно протестовалъ французъ, какъ

же вы хотите надписать „уважающій и преданный“, когда вы занимаете положеніе выше, чѣмъ адресатъ?

— Почему же мнѣ не написать „уважающій“, если я дѣйствительно уважаю его?—искренно удивлялся Ильѣ Ильичъ, славянской натурѣ котораго были дѣйствительно чужды словесныя фіоритуры и точная дозировка въ проявленіи чувствъ.

Но ученикъ его энергично отстаивалъ формулу, болѣе подобающую, по его мнѣнію, соотносительному положенію Ильи Ильича и декана, и Ильѣ Ильичъ, хотя и не безъ протеста, уступилъ.

Я не разъ вспоминала эту сценку впоследствии, когда мнѣ приходилось имѣть дѣло съ французскими „princes de la Science“—такой рѣзкій контрастъ представляло ихъ олимпійское величіе съ обаятельной простотой великаго ученаго, котораго намъ, русскимъ, такъ хотѣлось бы назвать „великимъ ученымъ земли русской“.

Но первое письмо Ильи Ильича подѣйствовало не сразу—такъ сильно было желаніе факультета поставить плотину наплыву иностранцевъ. Правда, я еще не получала официальнаго отказа какъ многіе десятки другихъ, но не получала и утвердительнаго отвѣта.

Учебный годъ уже начался и, затерянная въ огромномъ Парижѣ, тоскуя по работѣ, я переживала тяжелые дни, полные неопредѣленности и неизвѣстности. Наконецъ, получаю повѣстку отъ декана.

Старый профессоръ встрѣчаетъ меня съ улыбающимся лицомъ.

— „Ну, что жъ, если профессоръ Мечниковъ не можетъ поѣхать съ вами въ Ліонъ, придется намъ принять васъ въ парижскую медицинскую школу.“

Я смотрю на него съ недоумѣвающимъ видомъ, ничего не понимая.

Тогда деканъ протягиваетъ мнѣ письмо, написанное рукой Ильи Ильича. Оказывается, желая помочь мнѣ, Ильѣ Ильичъ прибѣгъ къ героическому средству—написалъ декану, что, въ виду моей крайней молодости, онъ взялъ на себя „veiller sur moi“ и не рѣшается отпустить меня въ Ліонъ или другой провинціальный университетскій городъ, куда онъ не могъ бы за мной послѣдовать.

Когда я стала горячо благодарить Илью Ильича за участіе, которое онъ во мнѣ принялъ, онъ только отмахнулся рукой. „Не за что, не за что, смотрите—учитесь хорошенько“.

И полушутя, полусерьезно наказалъ мнѣ докладывать ему о результатахъ каждаго экзамена, что я неукоснительно выполняла въ теченіе 5 лѣтъ.

Будучи на четвертомъ курсѣ, я записалась на трехмѣсячный курсъ бактериологіи въ Пастеровскомъ институтѣ. Лекторы составляли настоящее созвѣздіе свѣтилъ: Илья Ильичъ, проф. Roux, проф. Laveran и т. д.

Илья Ильичъ былъ любимымъ лекторомъ многочисленной и довольно таки требовательной аудиторіи, въ которой были представители двѣнадцати національностей (я какъ-то спеціально занялась этимъ подсчетомъ). Французы-студенты и молодые врачи называли его на своемъ argot школьниковъ съ ласковой фамиллярностью „Père Metch“ и бурно реагировали на шутливыя замѣчанія, которыми онъ умѣлъ оживлять лекціи о самыхъ сложныхъ предметахъ. Чрезвычайная яркость и простота изложенія, убѣжденный, часто страстный тонъ, оживленная жестикуляція какъ-то дѣлали простыми и понятными самыя мудренныя теоріи.

По-французски И. И. говорилъ вполне свободно, но все же чувствовалось, что это не его родной языкъ, и что мыслить онъ по-русски. Иногда среди изложенія отъ него вдругъ ускользало какое-нибудь французское слово, и онъ съ добродушной досадой бросалъ въ воздухъ: „Да какъ же это по-французски?“, на что мы, русскіе слушатели, хоромъ подавали нужную реплику.

По окончаніи курса я стала размышлять о своей будущей диссертациі.

И. И. предложилъ мнѣ разработать одну тему изъ цикла интересовавшихъ его вопросовъ о самозащитѣ организма, и я съ жаромъ принялась за работу въ его лабораторіи. Здѣсь, подъ высокими сводами Пастеровскаго института, рядомъ съ комнатою, гдѣ назрѣвала мысль и творился трудъ генія, я впервые пережила восторги увлеченія чистой наукой. Чувствовалось, что все мелкое, житейское, злободневное оставалось за порогомъ этого дома, осѣненного именемъ Pasteur'a: здѣсь обитало только стремленіе къ истинѣ.

Временами И. И. заходилъ въ мою комнату, выслушивалъ мои планы и результаты опытовъ, смотрѣлъ препараты. Онъ слушалъ внимательно и съ интересомъ, изрѣдка вставляя вопросы и замѣчанія, и его одобрительная улыбка разсѣивала тревогу сомнѣній, столь знакомыхъ каждому при первой самостоятельной работѣ.

Иногда разговоръ заходилъ и на другія темы. И. И. любилъ незлобиво подтрунить надъ женской эмансипаціей и какъ-то даже увѣрялъ меня, что кроличиха въ его лабораторіи оставила безъ ухода (или даже, кажется, съѣла) выводокъ кроличатъ, чтобы имѣть возможность посвятить себя выспреннымъ задачамъ духа. Я съ жаромъ протестовала, доказывая, что женщины новой формации будутъ лучшими матерями, будутъ лучше и разумнѣе любить своихъ дѣтей, чѣмъ ихъ прабабушки. Но И. И. только посмѣивался, приговаривая: „Посмотримъ, какъ вы сумѣете заниматься и наукой, и дѣтьми“.

Немедленно послѣ защиты диссертации, которую я, по французскому обычаю посвященій, посвятила И. И., я пришла къ нему проститься, — я уѣзжала въ Россію. Его ласковая похвала была мнѣ безконечно дороже, чѣмъ офиціальная „mention honorable“ факультета. Онъ сердечно простился со мной, настойчиво совѣтуя продолжать научную работу и ласково наказывая обратиться къ нему, если борьба за мѣсто подъ солнцемъ на родинѣ окажется слишкомъ трудной — брать тогда же рекомендательныя письма, какъ предлагалъ И. И., я не хотѣла, наивно полагая, что выкарабкаюсь собственными силами.

Вторично мнѣ пришлось встрѣтиться съ И. И. семь лѣтъ спустя, во время его всѣмъ памятнаго пребыванія въ Петербургѣ. Я работала тогда въ институтъ экспериментальной медицины, который И. И. посѣтилъ въ первые же дни послѣ пріѣзда, обходя, въ сопровожденіи покойнаго В. В. Подвысоцкаго, всѣ лабораторіи. По окончаніи обхода, И. И. обратился ко мнѣ со своей милой, доброй улыбкой со словами: „А вѣдь намъ съ вами, Л. М., по старой дружбѣ надо еще повидаться и поговорить какъ слѣдуетъ“, и тутъ же рѣшилъ, что непременно пріѣдетъ ко мнѣ и посмотреть на моего сына, которому тогда было 10 мѣсяцевъ. Дѣйствительно, несмотря на почти ежедневныя торжественныя собранія въ честь его, на множество дѣлъ, вызванныхъ взрывомъ чувствъ къ нему петербургскаго общества, И. И. нашелъ время сдержать свое обѣщаніе.

Встрѣтившись на юбилеѣ проф. Подвысоцкаго, мы оттуда поѣхали ко мнѣ.

Поднимаясь на четвертый этажъ, И. И. добродушно похвалился тѣмъ, что онъ, въ его годы, запыхался меньше, чѣмъ я. И это была правда — у него былъ такой бодрый и свѣжій

видѣ, что какъ-то не думалось объ его годахъ, — и такъ вѣрилось, что еще долго силой своего знанія и могучаго духа онъ будетъ побѣждать старость и смерть...

И. И. обнаружилъ живой интересъ къ моему малюткѣ, и, похваливъ меня за его цвѣтущій видъ, шутливо припомнилъ нашъ парижскій разговоръ объ эмансипированной кроличихѣ, чистосердечно сознавшись, что была права я, а не онъ. Онъ взялъ крошку на руки и, вѣроятно, желая порадовать материнское сердце, составилъ ему гороскопъ. И я охотно напоминаю объ этомъ ребенку, рассказывая ему, что одинъ изъ величайшихъ людей современности стоялъ у его колыбели и благословилъ его на научный трудъ; и ребенокъ благоговѣнно чтить память того, кого на своемъ дѣтскомъ языкѣ онъ зоветъ „знаменитымъ дѣдушкой“.

Затѣмъ разговоръ, естественно, перешелъ на тѣ научные вопросы, которые особенно живо интересовали И. И. и которымъ были посвящены мои послѣднія работы. Онъ спорилъ съ увлеченіемъ, какъ будто стараясь убѣдить цѣлую аудиторію, говорилъ о работахъ своихъ парижскихъ учениковъ, изъ которыхъ нѣкоторые, прибавилъ онъ съ ошеломляющей скромностью, „гораздо образованнѣе его самого“. Эта изумительная простота и скромность глубоко жила въ его ясной и трезвой душѣ, которую нельзя было отуманить никакимъ еиміамомъ.

Я стала допытываться, какое впечатлѣніе произвели на него только что пережитыя оваціи. Я лично была горда и счастлива этими бурными выраженіями восторга по адресу любимаго учителя, и мнѣ хотѣлось услышать, что онъ доволенъ своимъ пріѣздомъ на родину.

— Вѣдь все-таки вамъ пріятны были эти оваціи? — спрашивала я.

— Конечно, пріятны, — добродушно согласился онъ, — но вѣдь я отъ нихъ не сталъ умнѣе. То, за что меня чествуютъ, я сдѣлалъ уже много лѣтъ тому назадъ, и никто въ Россіи меня не чествовалъ — напротивъ, меня считали фантазеромъ, да и вообще какъ-то не думали обо мнѣ. Ну, а теперь послѣ японской войны хочется утѣшиться мыслью, что у насъ вотъ свои русскіе таланты есть — вотъ за меня и схватились; это такъ понятно...

Я почти дословно привожу сказанное И. И.; и, хотя у иныхъ эти слова могутъ, пожалуй, вызвать чувство горечи, но, мнѣ кажется, что И. И. имѣлъ нравственное право такъ говорить. И у немногихъ, безъ сомнѣнія, хватило бы умѣнія

такъ объективно, безъ тѣни тщеславія и самолюбованія, отнести къ прославленію собственной личности.

Это не значить, конечно, что И. И. не зналъ себя цѣны и не признавалъ своей исключительной даровитости. Любопытно отмѣтить, что одаренность своей натуры онъ въ значительной степени приписывалъ смѣшенію въ его жилахъ крови двухъ расъ (мать его, какъ извѣстно, была еврейкой): смѣшанные браки, по его мнѣнію, улучшаютъ качество чело-вѣческой расы.

Меня не мало порадовали въ этой бесѣдѣ мысли, высказанныя И. И. относительно женскаго движенія, къ которому онъ ранѣе относился съ добродушной ироніей. „Вы посмотрите, говорилъ онъ, какъ часто жены, которыя со-всѣмъ не понимаютъ дѣятельности мужа, являются для мужчинъ тормазомъ, тянутъ ихъ книзу“. И онъ называлъ нѣсколько именъ изъ міра науки и литературы. „Чѣмъ развитѣе будутъ женщины, тѣмъ лучше и для мужчинъ. Жена, которая понимаетъ работу мужа и дѣлитъ ее, это — сущій кладъ“...

Такой кладъ, какъ извѣстно, судьба даровала самому И. И. въ лицѣ незаурядной женщины, которая такъ заботливо и умѣло создала вокругъ него самую благопріятную атмосферу для труда его жизни.

Узнавъ, что И. И. собирается ѣхать къ Толстому, я высказала мысль о томъ, какъ должно быть интересно это столкновеніе двухъ философій.

— Ну, какой же Толстой философъ? — остановилъ меня И. И.

— Какъ художнику, ему нѣтъ равнаго... А философъ... нѣтъ, какой же онъ философъ? — повторилъ онъ.

Я не разспрашивала его о мотивахъ этой оцѣнки, которая, въ сущности, и не могла быть иной въ устахъ Мечникова: великій біологъ, предъ глазами котораго міръ живыхъ существъ развертывалъ картину непрестанной борьбы, логически не могъ признать философской системой отрицаніе борьбы; пытливый ученый, подмѣтившій въ великой лабораторіи природы многочисленные недочеты и ошибки творенія, неустанно искавшій и находившій способы устраненія ихъ, логически не могъ принять догмата о благой и непогрѣшимой творческой силѣ; апостоль раціонализма не могъ признать философомъ апостола вѣры.

Когда И. И. собрался уходить, я поѣхала провожать его до дому. Уже простившись съ нимъ, я видѣла изъ окна трамвая сценку, воспоминаніе о которой и теперь меня трогаетъ.

Къ И. И. подошла какая-то старая бѣдно одѣтая женщина и, повидимому, стала спрашивать его, какъ ей пройти на такую-то улицу. И. И., судя по тому, какъ онъ озирался по сторонамъ, рассматривалъ сквозь очки названіе улицы на доскѣ, потиралъ лобъ, и самъ хорошенько не зная, но все же не рѣшался оставить старуху въ затрудненіи. Онъ подошелъ къ сосѣдней улицѣ, посмотрѣлъ на ея названіе, потомъ къ улицѣ наискось и, очевидно, не найдя того, что нужно, энергичнымъ жестомъ взялъ зонтикъ подмышку и пошелъ на сосѣдную площадь, спрашивать городского. Затѣмъ съ удовлетвореннымъ видомъ вернулся къ старухѣ, растолковалъ ей что-то и лишь тогда пошелъ своимъ путемъ.

Можетъ быть, это — мелочь, но все же — сколько я ни старалась представить себѣ въ этой сценкѣ на мѣстѣ И. И. французскихъ *princes de la Science*, нѣмецкихъ *Geheimrath'овъ*, русскихъ чиновныхъ профессоровъ, ничего не выходило. И мнѣ вспомнился афоризмъ Бетховена: „Нѣтъ болѣе вѣрнаго признака величія, какъ доброта“ и слова Ролана: „Гдѣ нѣтъ великаго характера, тамъ нѣтъ великаго человѣка, ни великаго художника, ни великаго дѣятеля“.

Отошедшій въ вѣчность учитель былъ истинно великъ — величіемъ творческаго ума и ясной мудрой любви къ жизни и къ людямъ. Если онъ и ненавидѣлъ кого-либо, то развѣ „торгашей во храмѣ“ — тѣхъ, кто, прикрываясь стремленіемъ къ научной истинѣ, преслѣдовали мелкія личныя цѣли. Къ такимъ И. И. былъ безпощаденъ, для нихъ онъ находилъ слова бичующаго гнѣва и язвительной насмѣшки. Всѣ же, кто искренно любилъ науку, были его друзьями, и для нѣкоторыхъ изъ своихъ учениковъ онъ былъ истиннымъ отцомъ.

Русское общество мало знало великаго русскаго мыслителя, для котораго не нашлось мѣста въ Россіи, который былъ на родинѣ лишь рѣдкимъ случайнымъ гостемъ. И даже урна съ дорогимъ прахомъ по праву принадлежитъ не родинѣ, которая была для него мачехой, а великой чужой странѣ, которая сумѣла разглядѣть черты генія, заботливо взлелѣяла его на благо всему человѣчеству и приняла его въ Пантеонъ безсмертныхъ.

Пусть же теперь русское общество, какъ и семь лѣтъ тому назадъ, черпаетъ вѣру и бодрость въ сознаніи, что безсмертный мыслитель былъ все-таки сыномъ Россіи. Особенно теперь — когда міромъ какъ будто овладѣлъ демонъ разрушенія, и временами становится страшно за человѣка — мысль съ благодарностью и умиленіемъ останавливается на благородномъ образѣ великаго мудреца съ дѣтски-ясной улыбкой, всеобъемлющій умъ котораго неустанно работалъ надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать человѣчество счастливѣе и лучше. И отъ всего сердца хочется повторить слова Грубера: „Мечниковъ — больше чѣмъ выдающійся ученый, это чистый и добрый человѣкъ, воплощеніе лучшихъ сторонъ духа своего народа, истинное украшеніе человѣчества...“

Прив.-доц. Л. Горовицъ-Власова.

